

Истоки вдохновения

Есть произведения, которых, раз услышав, уже не забываешь. Такова «Эпическая поэма на русские темы» композитора Германа Галынина.

Просматривая апрельскую радиопрограмму, я встретил там передачу «Эпической поэмы». Зная, что Галынин вот уже несколько лет тяжело болен, подумал:

— А как он сейчас?..

Через два дня я ехал в Москву. В пути внимательно перечитывал собранные за последнее десятилетие материалы о жизни и творчестве человека, с которым предстояло встретиться. Два пожелтевших листочка бумаги хранили запись беседы с учителем музыки Иваном Михайловичем Мальцевым. Летом 1955 года Иван Михайлович, тогда уже глубокий старик, зашел в редакцию «Коммунара» и долго рассказывал о Германе Галынине.

— Встретил я его в детском доме, что в Туле на Гоголевской находился. Герман рано остался без родителей, некоторое время бродяжил, а потом пришел в детский дом. Я руководил там музыкальным воспитанием. Галынин вначале увлекался живописью, много рисовал. А потом — было это в 1933 году — попросил включить его в домбровский оркестр. Поначалу был как и другие оркестранты, но вскоре обратил на себя внимание. Во время игры он как-то необыкновенно преображался. Однажды заметил я, что по утрам Герман выглядывает усталым. С чего бы это? Не заболел ли? Нет, говорит, все в порядке. Вскоре секрет раскрылся: Герман продолжал заниматься музыкой и по ночам. «Что ты, спрашиваю, делаешь? Зачем ночью товарищам спать мешаешь?». А Герман в ответ: «Песню я, Иван Михайлович, сочиняю...» И показывает ноты. «Правда, оговорился, она, пона-

плохо получается». Вот так у Германа Галынина началась биография композитора.

— А теперь он — лауреат! — добавил Иван Михайлович.

Герман ГАЛЫНИН

Он показал фотографию Галынина времен детского дома. С куска бумаги смотрели вдумчивые глаза худощавого мальчишка с большими оттопыренными ушами, одетого в помятый пиджачок и в сатиновую рубашку.

— Трудновато было в то время в детдоме, — пояснил Иван Михайлович. А потом сказал: — Но все ребята на верную дорогу вышли.

Работники детского дома позаботились о том, чтобы не увяли музыкальные способности Германа Галынина. В один из летних дней 1937 года Галынина повезли в Москву, учиться музыке. Сопро-

вождал его И. М. Мальцев. Правда, перешагнуть порог музыкального училища удалось не сразу. Некоторым людям воспитанник детского дома не понравился, не заметили они в нем той искры, которая вскоре разгорелась ярким огнем.

Но туляки — народ упорный. Добились они приема у профессора И. В. Способина. Он согласился прослушать Галынина. Слушал и с каждой минутой лицо его все больше светлело, зажигалось радостью.

— Это — дарование! — сказал профессор. — Надо учить.

Так Герман Галынин оказался в музыкальном училище при Московской консерватории. 28 сентября 1937 года он сообщил своему «самому первому, самому лучшему учителю», как называл И. М. Мальцева, о том, что «заниматься начал как следует. Уже приготовил четыре вещи: два менуэта и два этюда».

Учеба и работа, работа и учеба, — этими словами можно охарактеризовать годы, проведенные Галыниным в музыкальном училище. Талант его быстро набирал силы.

В 1939 году Галынин приехал в Тулу на каникулы.

— Примите, дорогой Иван Михайлович, мою скромную работу, — вручил он Мальцеву небольшую тетрадь.

Спустя несколько дней в стенах Тульского дворца пионеров, где Мальцев руководил оркестром, прозвучал задорный, остроумный «Испанский танец» Германа Галынина. А через год он уже гремел в Москве, войдя составной частью в музыку, написанную молодым композитором к интермедии М. Сервантеса «Пещера Саламанки».

В годы Отечественной войны Галынин работает в Советской Армии. Он сочиняет песни на пат-

риотические стихи С. Щипачева, И. Уткина и других поэтов, руководит красноармейской художественной самодеятельностью. Драматические переживания войны не прошли для талантливого композитора бесследно. Он глубоко задумался над судьбами человечества, еще больше полюбил свою могучую Родину. Произведения Галынина становились все более глубокими по содержанию, все более проникновенными.

В 1943 году Галынин поступает в Московскую консерваторию. Продолжается полоса неутомимой работы. В 1944—45 годах он создает «Сюиту для фортепьяно», а в 1946 году, когда Галынину было 24 года, он написал «Сонату для фортепьяно» и «Фортепьянный концерт». Долгое время эти произведения не были знакомы любителям музыки. Впервые «Фортепьянный концерт» Г. Галынина слушался на VIII пленуме Союза советских композиторов. Он вызвал всеобщий восторг.

После названных произведений последовала работа над музыкой к комедии Д. Флетчера «Укрощение укротителя». В 1947 году были закончены «Первый струнный квартет» и «Фортепьянное трио». В 1949—50 годах появились лучшие сочинения Германа Галынина «Сюита для струнного оркестра» в четырех частях, оратория «Девушка и Смерть» по сказке М. Горького и «Эпическая поэма на русские темы» для симфонического оркестра. Это были дипломные работы в консерватории, которую Галынин окончил в 1950 году по классу профессора Н. Я. Мясковского.

Люди, близко знавшие тогда Галынина, рассказывают, что зимой и весной 1950 года он трудился особенно напряженно, с горячим увлечением. Многие его замыслы были осуществлены с поразительной быстротой.

Напряженный труд был высоко оценен.

В мае 1951 года Герману Галынину за «Эпическую поэму на русские темы» присудили Сталин-

скую премию. Это произведение завоевало признание глубиной мысли и высоким мастерством композитора. В основу «поэмы» легли темы старинных русских песен: былинные сказы «Баллада о Кострюке», «Страшный суд», песни — «Есть на горочке деревце», «Стой, мой милый хоровод». Но старинные образы предстают перед нами в новом видении. Музыка «Эпической поэмы» проникнута духом широты и величия нашей Родины, духом высокого благородства русского человека.

Вскоре после окончания консерватории композитор тяжело заболел. Уже во время болезни им были созданы «Праздничная молодежная увертюра», написанная к III Всемирному фестивалю молодежи и студентов, и «Второй струнный квартет».

Можно и надо говорить об этих и других произведениях Г. Галынина. Они — живая история, волнующая повесть о том, как выходящий беспризорник стал выдающимся мастером музыки, повесть о том, как высоко может быть вдохновение человека, когда он пламенно любит Родину. Лучше всего об этом рассказывают сами произведения Германа Галынина. Раздумывая над их содержанием, я пришел к вопросу: почему в Туле, где нередко гастролируют самые примитивные концертные труппы, в то же время с 1939 года не исполнялось ни одно произведение Германа Галынина? Скажут, что в Туле нет симфонического оркестра. Но ведь можно пригласить его из Москвы. А почему Тульский хор, к примеру, не возьмется исполнить хор Г. Галынина «Россия» на слова С. Щипачева? Почему?

...Седьмого апреля в Москве стояла ясная теплая погода. В этот день по улице Горького шагал высокий, широкоплечий человек. Он внимательно приглядывался к мчавшимся автомобилям, к пестрому потоку людей на тротуарах, время от времени останавливался, подходил к газетным витринам. Почему-то он

мне сразу запомнился. И я несколько удивился, что буквально минут через пятнадцать этот человек появился на пороге квартиры Галынина, где, ожидая хозяина, я беседовал с его женой Наталией Александровной Шумской.

— А вот и Герман Германович! — отрекомендовала она вошедшего.

Это был Галынин. Большое, светлое лицо его чем-то напоминало Федора Шаляпина. По временам, как тучка на солнечное поле, на лицо набегал легкий оттенок грусти, но он быстро исчезал, и лицо опять озарялось светом ясной мысли...

Галынин расспрашивал о Туле, вспоминал детский дом, товарищеский воспитанников, говорил о днях обороны города в 1941 году.

— Очень хочется побывать в Туле, — заметил он.

Я поинтересовался, над чем композитор работает.

— Пишу концерт для домбрового квартета, — ответил он.

Крышка пианино, стоявшего в комнате, была плотно прикрыта, не заметно было ни одного листа нотной бумаги. Но я видел в глазах композитора искорки вдохновения и ушел от него с надеждой, что эти искорки снова, как в сороковых годах, вспыхнут ярким пламенем, чтобы новые и новые произведения Германа Галынина — этого талантливого хозяина Гармонии — зазвучали с еще большей силой, утверждая славу великой правоты нашего народа, славу нашей социалистической Родины, счастье свободного человека.

Ал. ЕЛЬКИН.

Москва — Тула.